

Глаголев С. С. Потребность в апологетических трудах в настоящее время: [Речь перед защитой магистерской диссертации «О происхождении и первобытном состоянии рода человеческого». М., 1894] // Богословский вестник 1894. Т. 3. № 8. С. 167–180 (2-я пагин.).

Потребность въ апологетическихъ трудахъ въ настоящее время.

(Речь предъ защитою магистерской диссертации: „О происхожденіи и первобытномъ состояніи рода человеческого“. Москва 1894).

Буддійская легенда рассказываетъ намъ, что принцъ Гаутама до зрѣлаго возраста не видѣлъ и не испыталъ ничего грустнаго и тяжелаго. Онъ думалъ, что жизнь представляетъ собою непрерывную цѣпь радостей и наслажденій. Случайныя встрѣчи съ дряхлымъ и безсильнымъ старикомъ, съ неизлечимымъ больнымъ и наконецъ похоронами разсѣяли его иллюзіи. Онъ узналъ, что кромѣ радости въ мірѣ существуетъ еще скорбь, кромѣ здоровья—болѣзнь, кромѣ молодости — старость и кромѣ жизни — смерть. Онъ былъ глубоко потрясенъ знаніемъ, и его жизнерадостное міросозерцаніе смѣнилось пессимистическимъ. Легенда не даетъ намъ описанія того—безъ сомнѣнія — крайне мучительнаго состоянія духа, которое испыталъ Гаутама, когда увидѣнная имъ скорби міра произвели у него крушеніе его вѣрованій. Она говоритъ намъ лишь о томъ, какія изъ этого вышли послѣдствія: проповѣдь Будды о злѣ жизни и пагубности желаній и возникновеніе буддизма. Мы знаемъ теперь, что это—только легенда, историческія изслѣдованія говорятъ намъ, что грустная проповѣдь индійскаго принца имѣла для себя болѣе прозаическія причины. Но это не лишаетъ легенду ея глубокаго смысла и мы думаемъ, что съ грустію должно отмѣтить, что именно въ наше время эта легенда находитъ для себя много печальныхъ поясняющихъ ее явленій. Вотъ что разумѣю я.

Не сильнымъ духомъ реформаторамъ міра, но многимъ 14—15 лѣтнимъ дѣтямъ нашего времени приходится переживать тотъ мучительный душевный кризисъ, подобный которому нѣкогда пережилъ Гаутама, кризисъ, имѣющій своимъ источникомъ сознаніе, что то, что мы считали неизблемымъ, что давало душѣ нашей спокойствіе и сообщало нашимъ дѣйствіямъ увѣренность, что дарило насъ радостями и смягчало наши печали, все это не болѣе, какъ грустная и печальная иллюзія. Человѣкъ думалъ, что у него подъ ногами твердая почва, и что онъ идетъ во свѣтъ и вдругъ оказывается, что подъ нимъ пустота и что онъ окруженъ непроницаемымъ мракомъ. Представьте себѣ мальчика лѣтъ 14—15 семинариста, гимназиста, кадета, рѣшительно все равно. Онъ добросовѣстно изучаетъ катехизисъ митрополита Филарета, искренно молится утромъ и вечеромъ, на Рождествѣ и Святой переживаетъ радостно-благочестивыя чувства и при принятіи св. причастія его душа наполняется сладостнымъ умиленіемъ. Для этого ребенка все ясно и просто: онъ знаетъ, какъ онъ долженъ жить, что ожидаетъ его послѣ смерти. Мать, научившая его первымъ молитвамъ, воспитала въ немъ добрыя чувства и добрую настроенность, а уроки Закона Божія дали ему теоретическія основанія, чтобы поддерживать въ себѣ эту настроенность, чтобы не угасать духа. Но вотъ, въ одинъ какой-нибудь вечеръ ему даютъ почитать книжку съ картинками. На картинкахъ изображены какіе-то страшные имъ невиданные звѣри. Изъ книжки онъ узнаетъ, что эти звѣри жили за сотни тысячелѣтій до появленія человѣка на землѣ и что они были очень жестоки и хищны. Между тѣмъ изъ Закона Божія онъ знаетъ, что міръ до человѣка существовалъ лишь 5 дней и что до паденія человѣка все было „добро зѣло“ и потому не было никакихъ хищныхъ и жестокихъ животныхъ. Онъ думаетъ сначала, что книжка, которую онъ читаетъ, только сказка. Онъ читаетъ ее внимательно. Оказывается, что книжка выдастъ свое содержаніе не за ложь, а за дѣйствительность. Въ книжкѣ описывается, какъ были найдены скелеты тѣхъ животныхъ, о которыхъ она рассказываетъ, какъ опредѣлили ихъ древность по тѣмъ отложеніямъ, въ которыхъ они были найдены. Книжка рассказываетъ ему исторію жизни на землѣ отъ

оя возникновенія до настоящаго времени, рассказываетъ просто, ясно и какъ будто убѣдительно. Но какъ все это не похоже на то, чему его учили ранѣе. Перенеситесь мысленно въ душу этого ребенка и представьте себѣ, что долженъ испытать онъ? У него начнется страшный религіозно-нравственный кризисъ. Въ его душѣ произойдетъ столкновеніе двухъ родовъ положеній, изъ которыхъ одни очень дороги ему, онъ считалъ ихъ высшею и безусловною правдой, но въ защиту, въ доказательство ихъ онъ ничего не можетъ сказать, другія, пожалуй, интересны и только интересны, но не представляютъ собою ничего дорогаго и эти то другія сокрушаютъ первыя и притомъ эти другія оказываются имѣющими за собою основанія. Какъ здѣсь разобраться? Одинъ, можетъ быть, отброситъ отъ себя книжку и постарается забыть о ней, другой, твердость вѣры котораго обуславливалась тѣмъ, что онъ о ней никогда не думалъ, поддастся книжкѣ: допотопныя животныя задавятъ своею тяжестью его не способную подвергаться испытаніямъ вѣру и онъ пойдетъ по новому пути, третій попытается уничтожить возникшій въ его душѣ конфликтъ посредствомъ изслѣдованія и размышленія. Но уничтожить его окажется не легко. Допотопныя животныя станутъ между нимъ и тѣми людьми, которые учили его вѣрить и молиться, онъ уже не съ безотчетнымъ довѣріемъ будетъ слушать разсужденія своего законоучителя и, когда онъ прійдетъ домой, и мать заботливо перекреститъ его своею любящею рукою, его сердце кольнетъ сомнѣніе въ томъ, имѣютъ ли на самомъ дѣлѣ какой-либо смыслъ и значеніе эти благоговѣйныя движенія любящей руки? Пройдутъ года. Ребенокъ сдѣлается мужемъ. Онъ можетъ отвергнуть палеонтологію или катехизисъ митрополита Филарета, можетъ примирить ихъ въ высшей правдѣ, можетъ навсегда остаться сомнѣвающимся или сдѣлаться индифферентистомъ, но нравственные потрясенія, испытанныя имъ въ нѣжномъ отроческомъ возрастѣ, во всякомъ случаѣ и навсегда оставятъ тяжелый слѣдъ въ его душѣ. Тотъ, кто имѣлъ несчастіе разочаровываться въ любимыхъ людяхъ, пойметъ мое утвержденіе. Есть болѣзни, которыя очищаютъ и возраждаютъ организмъ и по выздоровленіи отъ которыхъ человѣкъ чувствуетъ себя бодрѣе и лучше, но раны никогда не производятъ такого

благодѣтельнаго дѣйствія. Онѣ только вредны, это одинаково справедливо по отношенію и къ ранамъ тѣлеснымъ и къ ранамъ душевнымъ. Позволительно спросить, нужно ли необходимо, чтобы сыны нашего времени всѣ въ извѣстный періодъ получали такія душевныя раны и затѣмъ мучились отъ нихъ? Неужели каждый человѣкъ въ наше время долженъ пережить въ своей жизни три міросозерцанія такъ, что его жизнь можно будетъ раздѣлить на 3 періода: періодъ наивной и спокойной вѣры, періодъ мучительнаго сомнѣнія и наконецъ третій періодъ, когда это сомнѣніе или утвердится окончательно, принявъ форму болѣе или менѣе спокойнаго скептицизма, или смѣнится какими-либо новыми убѣжденіями? Конечно, нѣтъ; такой процессъ развитія душевной жизни, къ какому бы результату онъ не привелъ, самъ по себѣ есть процессъ болѣзненный. Душевное развитіе должно идти инымъ путемъ. Вѣрованія и представленія, внушенныя ребенку въ дѣтствѣ, не должны потомъ вступать въ борьбу съ новыми знаніями, которыя онъ будетъ пріобрѣтать, но эти новыя знанія при нормальномъ ходѣ развитія должны расширять, углублять и давать прочныя основанія тому, что ранѣе было принято на вѣру.

Самый худшій способъ, которымъ пытались и къ несчастію еще пытаются устранить возможность возникновенія сомнѣній въ душѣ человѣка, заключается въ томъ, чтобы удалять отъ человѣка всѣ тѣ книги, въ которыхъ набрасывается тѣнь сомнѣнія на его вѣру. Рано или поздно ему попадутся таковыя и тогда можетъ случиться, что онъ не только потеряетъ вѣру, но и потеряетъ уваженіе къ тѣмъ, которые его учили вѣрѣ. Должно замѣтить, что чѣмъ позднѣе возникнетъ въ душѣ человѣка религіозное сомнѣніе, тѣмъ хуже. Корь въ дѣтскомъ возрастѣ переносится легко, въ зрѣломъ и старческомъ она часто сопровождается смертельнымъ исходомъ. Чѣмъ позднѣе человѣкъ перестаетъ вѣрить какимъ-либо богамъ, тѣмъ безпощаднѣе и суровѣе ихъ сжигаетъ, какъ бы мстя имъ за свое долгое заблужденіе. Отсюда слѣдуетъ выводъ, что если уже необходимо для каждаго человѣка или по крайней мѣрѣ для многихъ, чтобы ихъ вѣра подверглась испытаніямъ и сомнѣнію, то лучше, если это произойдетъ ранѣе, а не позже.

Но неизмѣримо лучше, если такого періода сомнѣнія

совсѣмъ не будетъ въ жизни человѣка. Очевидно, это будетъ возможно лишь тогда, когда богословы будутъ заботливо пытаться устранять возможность конфликта между вѣрой и знаніемъ. когда во имя новыхъ знаній будутъ вносить поправки въ пониманіе вѣры и во имя несомнѣнныхъ истинъ вѣры будутъ отвергать — разумѣется, путемъ тщательнаго и научнаго изслѣдованія—то, что можно назвать древнимъ именемъ „лжеименнаго знанія“ и то, что теперь называютъ ошибочными и преждевременными гипотезами. Попытку послужить этому дѣлу представляетъ и тотъ скромный трудъ, оцѣнку котораго предстоитъ теперь услышать автору отъ настоящаго высокоученаго собранія. Вниманіе автора давно останавливало на себѣ опасное столкновеніе между вѣрою и наукою, столкновеніе принявшее въ настоящее время такіе широкіе размѣры. Онъ выбралъ для изслѣдованія вопросъ, въ которомъ, по его мнѣнію, это столкновеніе обнаруживается и проявляется особенно сильно, какъ свѣтъ и тепло особенно сильно проявляютъ себя въ фокусѣ зажигательнаго стекла, и авторъ считаетъ своимъ долгомъ выразить благодарность проф. А. Д. Бѣляеву, согласившемуся руководить его въ его работѣ и принявшаго на себя трудъ прочитать ее.

Трудъ, какъ видитъ собраніе, имѣетъ практическій характеръ. Задача его состоитъ въ томъ, чтобы показать, что библейское ученіе о происхожденіи человѣка и библейскія воззрѣнія на человѣка и его назначеніе не противорѣчатъ несомнѣннымъ даннымъ положительныхъ наукъ о человѣкѣ, что, напротивъ, Библия освѣщаетъ глубоко и разумнымъ свѣтомъ эти данныя и, въ свою очередь, ея сжатое повѣствованіе пополняется и разъясняется этими данными. Въ значительной своей части предлагаемый трудъ имѣетъ критическій характеръ и направляется противъ враждебныхъ религіи и Библии гипотезъ о естественномъ происхожденіи человѣка. Автору при выполненіи своей работы пришлось часто останавливаться въ раздумьи надъ тѣмъ, можетъ ли на самомъ дѣлѣ она имѣть какой-нибудь смыслъ и значеніе? Въ настоящее время многіе полагаютъ, что апологетика не имѣетъ права на существованіе. Ее презрительно называютъ паразитической наукой, ибо весь объемъ ея содержанія опредѣляется количествомъ стоящихъ на очереди дня враждебныхъ религіи ученій, и ее считаютъ без-

плодной наукой, ибо судьба этихъ ученій, говорятъ, вовсе не опредѣляется апологетическими походами противъ нихъ. Они живутъ и умираютъ по другому закону. Положимъ, возникаетъ въ наукѣ ошибочная гипотеза, имѣющая первое время всѣ признаки правдоподобія. Она начинаетъ разрабатываться и развиваться, но по мѣрѣ ея развитія обнаруживается постепенно и ея несоотвѣтствіе фактамъ и явленіямъ, которые она должна бы была разъяснить и чѣмъ больше растетъ гипотеза, тѣмъ больше открывается ея неправдоподобіе такъ, что процессъ ея роста есть процессъ ея умиранія. Такъ погибла созданная въ физикѣ Ньютономъ гипотеза истеченія, просуществовавъ значительно болѣе столѣтій, такъ погибла установленная Кювье теорія геологическихъ катастрофъ, такъ вымерли чистые гегельянцы, какъ въ прошедшемъ столѣтіи вымерли морскія коровы. Но апологетика, говорятъ, не искоренила никакихъ заблужденій, напротивъ, она ихъ часто поддерживала. Она боролась противъ ученій, которыя теперь считаются общепризнанными, и противъ лицъ, которыя теперь считаются образцами для подражанія. Въ исторіи апологетики не рѣдки такіе случаи. Является новое ученіе, и апологеты говорятъ: „это противно религіи и нравственности“, ученіе продолжаетъ существовать и негодованіе апологетовъ начинаетъ смягчаться, наконецъ ученіе признается безспорной истиной, и тогда апологеты заявляютъ; „это давно всѣмъ извѣстно“. Вотъ, почему, говорятъ, лучше, чѣмъ выступать съ походами противъ новоявляющихся ученій, относиться къ нимъ такъ, какъ отнесся нѣкогда Гамалиилъ къ проповѣди апостоловъ: „если, сказалъ онъ, это предпріятіе и это дѣло отъ человѣковъ, то оно разрушится; а если отъ Бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь, чтобы вамъ не оказаться и богопротивниками“ (Дѣян. 5, 38—39).

Я думаю, что эти слова были подсказаны Гамалиилу сомнѣніемъ въ истинности исповѣдывавшейся тогда оффиціально синадріономъ доктрины. Если бы онъ былъ ревнителемъ Моисеева закона, какъ св. Павелъ, онъ потребовалъ бы осужденія апостоловъ; еслибы онъ былъ индифферентистомъ, онъ благоразумно промолчалъ бы изъ инстинкта самосохраненія. Вотъ, почему этотъ примѣръ представляется мнѣ неубѣдительнымъ. Право и обязанность всякаго чело-

вѣка защищать то, что онъ считаетъ истиной, и опровергать то, что онъ считаетъ ложью. Отрицать это право во многихъ случаяхъ (не говорю: всегда) значитъ являть образецъ глубокаго деспотизма. Другое дѣло, вопросъ о разумномъ и цѣлесообразномъ пользованіи этимъ правомъ. Однако, соображеніе, что ложь носить сама въ себѣ зародыши смерти и что ей должно представить умирать естественнымъ образомъ, является въ сущности очень наивнымъ. Если бы это было такъ, Христосъ не сошелъ бы на землю.

Апологетическая наука является настолько же паразитической, насколько такую является медицина. Медицина существуетъ потому и постольку, поскольку существуютъ болѣзни тѣла, апологетика существуетъ постольку, поскольку существуютъ болѣзни вѣры. Здоровья, какъ и вѣры, нельзя прописать, но нельзя отрицать того, что возможны лекарства, возвращающія здоровье и укрѣпляющія вѣру. Можно говорить о неудовлетворительномъ состояніи современной апологетики, но доказывать этимъ ея невозможность или ненужность также странно, какъ изъ того обстоятельства, что Демосѳенъ, когда родился не умѣлъ говорить, вывести, что онъ никогда впоследствии не могъ сдѣлаться великимъ ораторомъ. Затѣмъ была ли на самомъ дѣлѣ въ теченіи вѣковъ бесплодная апологетика? Кто осмѣлится утверждать это? Апологетика имѣетъ свою, такъ сказать, экзотерическую и эзотерическую исторію. Мы можемъ прослѣдить, да и то далеко не полно, только ея экзотерическія судьбы. И здѣсь мы находимъ не мало примѣровъ обращенія отъ невѣрія къ вѣрѣ подъ воздействиемъ убѣжденій. Часто могутъ замѣтить, что невѣрующіе любятъ охотно говорить о вѣрѣ и не прочь выслушивать основанія въ ея пользу. Что двигаетъ ими? Томленіе по вѣрѣ. Пусть они говорятъ вамъ, что невѣріе выше вѣры, что, отрѣшившись отъ предразсудковъ и суетвѣрій старины, они чувствуютъ себя счастливѣе. Вы можете сказать на это словами поэта:

Бесплодный живой бредъ! Такъ нищему порой

Пріятно обзывать богатство суетой,

Такъ темному слѣпцу, передъ которымъ свѣтъ

Затмился навсегда, отрадно заблужденье,

Что пусть весь Божій міръ, что красоты въ немъ нѣтъ!

Но еслибъ чудомъ вдругъ къ нему вернулось зрѣнье

И свѣтъ дневной опять блеснулъ со всѣхъ сторонъ,
 Какими-бъ жадными онъ сталъ смотрѣть очами,
 Какими-бъ залился блаженными слезами,
 Увидѣвъ Божій міръ, какъ счастливъ былъ бы онъ!

Откровенный Ренанъ часто тосковалъ о потерянной имъ наивной вѣрѣ бретонцевъ. Многіе пытаются скрывать эту тоску не только отъ другихъ, но и отъ самихъ себя. Но всѣ они не безусловно глухи къ доводамъ приводимымъ въ защиту вѣры, и вопросъ можетъ заключаться только въ томъ, какіе приемы и доводы будутъ цѣлесообразнѣе. Въ правленіе Павла I-го въ одной изъ тогда существовавшихъ духовныхъ семинарій одинъ ученикъ началъ говорить, что „все отъ природы“ и иллюстрировалъ свою теорію ссылкой на блоху, рождающуюся будто бы сама собою. Для враждебнаго юнаго раціоналиста были употреблены розги. Я не знаю, далъ ли благіе результаты этотъ своеобразный апологетическій приемъ, но имѣю основанія утверждать, что убѣжденія и разсужденія въ данномъ случаѣ были бы умѣстны и могли бы быть полезны, ибо въ это время митрополитъ Платонъ и немного ранѣе этого времени Георгій Конисскій успѣшно боролись словами убѣжденія съ французскимъ деизмомъ и матеріализмомъ.

Часто приходится слышать, что богословы сдѣлали бы лучше, если бы вмѣсто того, чтобы сокрушать неправящіяся имъ ученія, позаботились бы лучше и подробнѣе раскрыть свое положительное міросозерцаніе. Безъ сомнѣнія, они обязаны это дѣлать, но для того, чтобы ихъ положительное міросозерцаніе получило въ чьихъ либо глазахъ характеръ вѣроятнаго, нужно, чтобы оно утверждалось на какихъ либо основаніяхъ. Эти основанія и должна дать апологетика. Задача апологетики заключается вѣдь не въ томъ только, чтобы сокрушать чужія вѣрованія, но и обосновывать свои собственные. Если ее съ одной стороны можно сравнить съ стѣнобитною машиною, употребляемою для нападеній, то съ другой стороны, ее можно сравнить и со стѣною, защищающею отъ таковыхъ. Я сравнилъ апологетику съ медициною и какъ въ составъ медицины входитъ не только терапия, но и гигиена, такъ подобныя же части входятъ и въ составъ апологетики, и какъ въ медицинѣ недостаточно одной гигиены, но нужна и терапия, такъ и въ апологе-

тикѣ не только нужно обосновывать свои вѣрованія, но и опровергать чужія. Припомнимъ, что если бы Иеemia только строилъ іерусалимскій храмъ, но не отражалъ бы отъ него самаряицкихъ нападений, то храмъ никогда не былъ бы выстроенъ.

Для вѣрующаго, мнѣ кажется, необходимо признать апологетику нужною частью богословія. Но есть иная точка зрѣнія, съ которой на первый взглядъ вопросъ о пользѣ апологетическихъ трудовъ можетъ получить отрицательное рѣшеніе. Безъ сомнѣнія, одною изъ обязанностей каждаго должно быть служеніе общественному благополучію, но различія въ вѣрованіяхъ не мѣшаютъ этому благополучію; напротивъ, споры о вѣрѣ, попытки производить давленіе на чужую совѣсть сѣютъ раздоры и порождаютъ вражду. Для соціально-политическаго благополучія человѣчества нужно только, чтобы люди согласились въ признаніи извѣстныхъ правовыхъ и нравственныхъ нормъ, оставивъ въ сторонѣ споры о томъ, во имя чего они признаютъ обязательность этихъ нормъ: пусть для одного этою основою будетъ непосредственный голосъ совѣсти, для другаго буква катехизиса, для третьяго его философскія убѣжденія. Важны дѣла человѣка, а не его вѣрованія. Атеистъ, помогающій голоднымъ, лучше вѣрующаго, украшающаго свои житницы крѣпкими запорами. Не безразсудно ли думать, что человѣку будутъ вѣнены въ вину или въ оправданіе его теоретическія убѣжденія, а не его практическая дѣятельность. Представьте себѣ, что вы смотрите на копошащееся внизу человечество съ какого либо высокаго пункта. Пусть это будетъ колокольня, башня, воздушный шаръ—что вамъ угодно. На широкомъ горизонтѣ, который развернется предъ вами, маленькія червякообразныя существа, суетливо двигающіяся въ различныхъ направленіяхъ, явятся предъ вами тѣнеподобными точками. Можно ли на самомъ дѣлѣ серьезно думать, что эти существа ничтожны по сравненію съ ничтожнѣйшею частью ничтожной планеты могутъ разгадать тайны вселенной и обладать вѣчной истиной? Претензіи на знаніе истины не есть ли уже дерзость со стороны каждаго изъ нихъ? И затѣмъ: можно ли допустить, что этимъ ничтожнымъ тварямъ Высшій Разумъ можетъ поставить въ вину ихъ заблужденія? Конечно, нѣтъ; ихъ не будутъ судить

за непониманіе истины, потому что истина для нихъ непостижима. Вотъ почему, вмѣсто того, чтобы заниматься отыскиваніемъ высшей истины, лучше содѣйствовать воплощенію на землѣ добра. Вмѣсто того, чтобы спорить о доктринѣ произвольнаго зарожденія, лучше помогать непроизвольно явившимся на свѣтъ бѣднякамъ. И споры о томъ, произошелъ ли человѣкъ отъ Адама или африканской гориллы, должны уступить мѣсто заботамъ о томъ, чтобы человѣкъ становился лучше и лучше. Бѣдность и невѣжество, вотъ—истинные бичи человѣчества. Объ уничтоженіи ихъ и должно заботиться: пока они не уничтожены, никакая философія и религія не сдѣлаютъ людей счастливыми. Христіанство само по себѣ взятое, какъ отвлеченное ученіе, бесполезно, практически оно часто являлось и является вреднымъ. Исторія знаетъ въ прошедшемъ много печальныхъ примѣровъ, когда язычниковъ крестили мечомъ и огнемъ, какъ, наприм., Карлъ Великій саксовъ. Такіе миссіонеры, разумѣется, только кощунственно могутъ быть называемы равноапостольными. Современная этнографія тоже приводитъ случаи печальнаго вліянія христіанства на язычниковъ. Гельвальдъ указываетъ, что моногамія введенная христіанскими миссіонерами въ Австралію—вопреки ученію христіанской религіи—значительно ухудшила тамъ положеніе женщины. У дикарей вообще жены исполняютъ всѣ домашнія работы; когда женъ много, работа лежащая на каждой въ отдѣльности не велика, но когда жена лишь одна, участь ея ниспускается до участи вьючнаго скота. Такъ разсуждаетъ Гельвальдъ. Жаколіо сообщаетъ, что отмѣненная во имя христіанства торговля рабами въ Африкѣ сопровождается тоже печальными послѣдствіями. Африканскимъ государямъ некуда сбывать ихъ рабовъ, которыхъ раньше они сбывали американскимъ плантаторамъ, и печѣмъ кормить ихъ. Вслѣдствіе этого ежегодно они устраиваютъ страшныя гекатомбы, въ которыхъ избиваютъ тысячи и сильныхъ и здоровыхъ людей, услуги которыхъ имъ не нужны, а голодные желудки которыхъ они считаютъ для себя опасными. Эти или подобные этимъ факты и приводятъ многихъ къ выводу, что не праздные споры о непонятныхъ догматахъ, о вопросахъ, для рѣшенія которыхъ не имѣется достаточнаго числа данныхъ, а забота объ улуч-

шеніи экономическаго, умственнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственнаго положенія чловѣчества должно быть нашою насущною задачею.

Я полагаю, что сихъ подобаетъ творити, но и оныхъ не оставляти. Я думаю, что разумный чловѣкъ можетъ жить, лишь вѣря въ разумность жизни, въ то, что каждое явленіе въ жизни имѣетъ значеніе и смыслъ, и что для завтрашняго дня совѣмъ не безразлично, какъ я провелъ день вчерашній. Каждый часъ, проведенный такъ или иначе, имѣетъ значеніе для вѣчности, отсюда обязанность каждаго заботиться о томъ, чтобы наилучшимъ образомъ проводить дни своей жизни. Эта забота сводится къ тому, чтобы воспитать въ своей душѣ наилучшую настроенность, чтобы сдѣлать волю свою доброю. Настроенность духа определяется воздѣйствіемъ на духъ разнообразныхъ факторовъ и въ ряду этихъ факторовъ далеко не послѣднее мѣсто занимаютъ и теоретическія убѣжденія и вѣрованія. Отсюда задача чловѣка — воспитывать и вырабатывать въ своей душѣ наилучшія убѣжденія и вѣрованія и содѣйствовать распространенію таковыхъ между другими. Изъ двухъ ученій: одного говорящаго, что чловѣкъ созданъ по образу Божію и для высшаго назначенія, и что въ осуществленіи этого назначенія онъ найдетъ свое блаженство, и другаго, говорящаго, что чловѣкъ произошелъ отъ низшихъ животныхъ и что для него все кончается смертію, не трудно выбрать, какое будетъ имѣть нравственно благотворное вліяніе на чловѣчество. Выбравъ таковое для себя, мы предлагаемъ его и другимъ и оспариваемъ противоположное. Сображеніе, что многіе, исповѣдующіе это оспариваемое нами ученіе очень хорошіе люди и что слѣдовательно ученіе не имѣетъ вреднаго нравственнаго вліянія, представляется несомнѣтельнымъ. Предки этихъ хорошихъ людей были хороши, потому что исповѣдывали христіанское ученіе, путемъ наслѣдственности они передали добрыя наклонности своимъ дѣтямъ, не передавъ имъ своихъ вѣрованій. Новыя убѣжденія, которыя усвоили послѣдніе, не могли сразу измѣнить нравственнаго содержанія ихъ духа, но несомнѣнно, что они будутъ дѣлать это постепенно. Вотъ почему мы и считаемъ своею обязанностию бороться противъ нихъ, при этомъ свое вѣроученіе мы представляемъ и предлагаемъ не только

какъ лучшее, но и какъ истинное. Если бы оно было только лучшей фикціей, то оно было бы также бесполезно, какъ если бы его не было совсѣмъ. Говорятъ, что человѣкъ слишкомъ ничтоженъ для того, чтобы знать истину. Какимъ масштабомъ разсуждающіе такъ измѣряютъ человѣка? Величиною геометрическихъ размѣровъ его тѣла, но тогда Наполеона I должно будетъ признать ничтожнѣе нѣкоторыхъ идіотовъ, такъ какъ онъ былъ малъ ростомъ, а нѣкоторые изъ послѣднихъ достигали трехъ аршинъ высоты. Значеніе человѣка опредѣляется присущими ему силами духа и никакъ нельзя отрицать, что сила разума въ духѣ человѣческомъ недостаточна для того, чтобы воспринять истину, разъ таковая будетъ предложена ему отвнѣ. Мы и думаемъ, что то ученіе, которое мы принимаемъ за истину, предложено человѣку свыше. Свое назначеніе человѣкъ можетъ осуществлять наилучшимъ образомъ, лишь зная высшую истину въ возможной для него степени. Человѣкъ, пребывающій въ заблужденіи относительно своего происхожденія и назначенія, не можетъ въ желательной мѣрѣ осуществлять послѣднее. Вотъ, почему на обязанности тѣхъ, которые знаютъ рѣшеніе вопросовъ предложенныхъ гейневскимъ безумцемъ: „откуда происходитъ человѣкъ, куда онъ идетъ и кто тамъ вверху надъ звѣздами живетъ“, на обязанности такихъ лежитъ не хранить свои знанія подъ спудомъ, а возвѣщать ихъ міру, утверждать истину и обличать ложь. Эти соображенія и размысленія служили для меня побужденіемъ работать надъ своимъ трудомъ и его окончить. Какіе результаты дастъ онъ?

Nabent sua fata libelli. Я не обманываюсь относительно скромнаго значенія моей книги, которую удостоиваетъ своимъ вниманіемъ теперь ученое собраніе. Даже и образцовыя апологетическія произведенія въ Россіи остаются почти безъ читателей, а я хорошо знаю, что мое произведеніе не принадлежитъ къ числу такихъ. Кромѣ многихъ техническихъ недостатковъ въ немъ по мѣстамъ—въ моихъ глазахъ—не достаетъ полноты, кое гдѣ допущенныя мною гипотезы теперь мнѣ самому представляются сомнительными, мнѣ приходилось слышать, что не все въ моей книгѣ отличается ясностью и, наконецъ, я это знаю, въ глазахъ многихъ она лишена убѣдительности. Общая печальная судьба

русскихъ апологетическихъ сочиненій, хотя и смущаетъ меня, но не лишаетъ бодрости. Пусть у книги будетъ лишь нѣсколько читателей, которые извлекутъ изъ нея то, что въ ней есть добраго, и пусть это доброе они пустятъ въ обращеніе путемъ устнымъ или письменнымъ. Тогда дѣло мое не погибнетъ, но дастъ плодъ и какъ бы ни былъ въ глазахъ другихъ этотъ плодъ малъ, для меня онъ явится достаточною наградою за понесенные труды. Меня тяготитъ гораздо болѣе, что мой трудъ является въ свѣтъ въ столь несовершенномъ видѣ. Чтобы его можно было признать вполне удовлетворительнымъ, онъ требуетъ многихъ и серьезныхъ исправленій. Я не думаю уклоняться отъ того, чтобы произвести ихъ, и посему прошу ученое собраніе видѣть въ этомъ трудѣ не послѣднее мое слово по изслѣдуемому въ немъ вопросу, но только первое, которое по условіямъ своего положенія я долженъ былъ высказать поспѣшише и скорѣе, чѣмъ желалъ самъ. Я думаю еще переработать мою книгу. Но будущее въ рукахъ Божіихъ. Кто знаетъ: я можетъ быть сказалъ уже все, что мнѣ дано было сказать свыше? Немного времени тому назадъ, здѣсь на этой кафедрѣ стоялъ человѣкъ еще болѣе юный, чѣмъ я, мечтавшій много послужить богословской наукѣ и уже сошедшій въ могилу. Намъ не дано прозрѣвать будущее. Но будетъ хорошо, если и въ этомъ несовершенномъ трудѣ кто-нибудь найдетъ для себя хотя что-либо полезное. Какъ бы мало ни способствовала моя книга умноженію духовнаго тепла и свѣта, но лишь бы она способствовала и я былъ бы счастливъ.

Такъ въ августѣ, когда въ нашихъ широтахъ ночи уже становятся довольно темными, мы можемъ видѣть, какъ по небу постоянно скользятъ падающія звѣзды, оставляя за собою слабый и кратковременный свѣтящійся слѣдъ. Для земли онѣ живутъ лишь незначительную долю мгновенія и однако онѣ даютъ ей и тепло и свѣтъ, каждая въ отдѣльности даетъ его очень немного, но астрономія и геологія учатъ насъ, что всѣ онѣ въ своей совокупности и въ теченіе вѣковъ даютъ много энергій нашей бѣдной планетѣ. Такъ и отдѣльный человѣкъ, силы котораго слабы подобно моимъ, успѣвъ сдѣлать немного, можетъ утѣшать себя мыслію, что его немного сольется съ тѣмъ немногимъ, которое сдѣ-

даетъ другой, а затѣмъ и еще другіе и такъ изъ немногаго выйдетъ многое. Эта мысль должна наполнять отрадою душу и малосильнаго работника, эта мысль даетъ отраду и мнѣ. Мой трудъ имѣлъ честную цѣль и хотя небольшое, мнѣ кажется, я успѣлъ сдѣлать. Своею книгою я буду хотя немного полезенъ, хотя такъ мало, какъ падающая звѣзда.

С. Глаголевъ.
